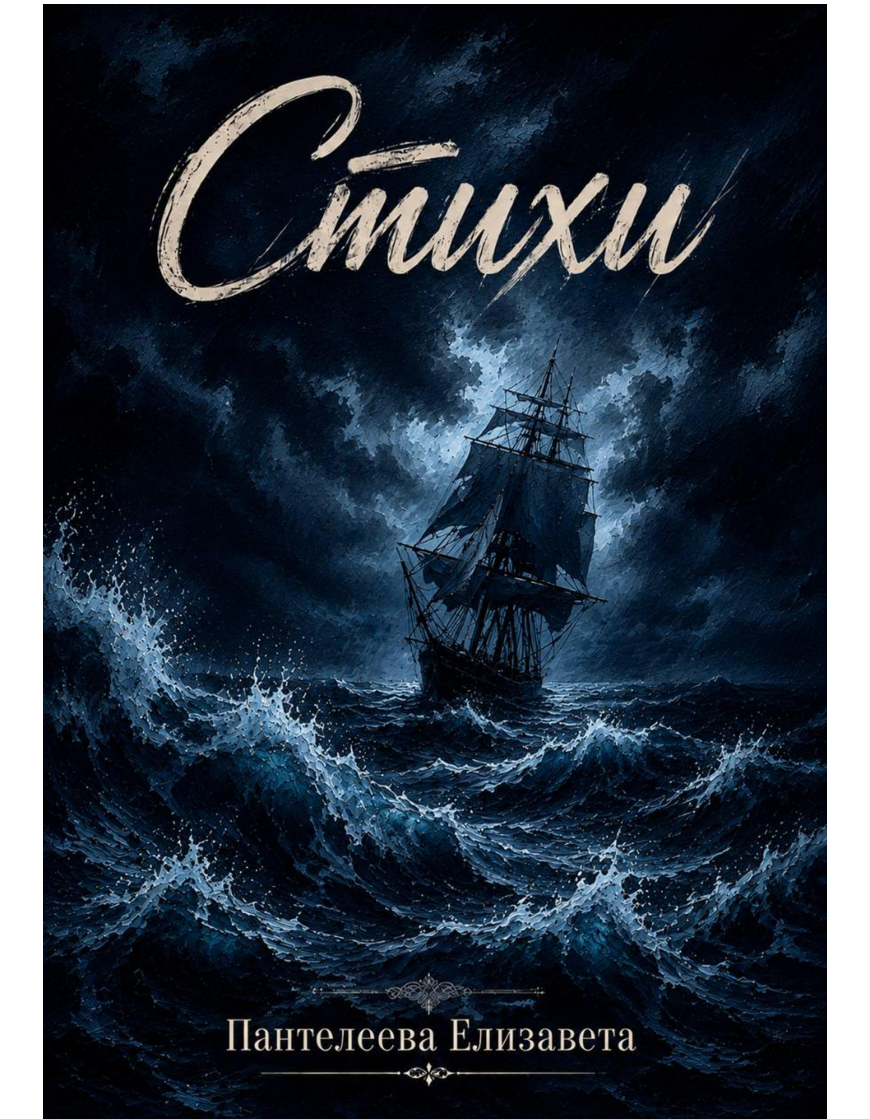

Стихи

Пантелеева Елизавета

Елизавета Пантелеева

СТИХИ

<https://litres.ru/74015096>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник стихов о жизни, чувствах и переживаниях человека. Строки о том, что волнует, вдохновляет и заставляет задуматься, и том, что ежедневно происходит рядом.

В центре всего - ежедневная жизнь человека: ее течение и настроение. В стихах отражена атмосфера обычных дней, наполненных теми или иными вопросами.

Содержание

Глава	4
СТИХИ	5
ТУМАН	6
Скошенная резвость перед страхом	7
БЛИЗИТСЯ ВЕСНА	8
Вот вышел бурелом	9
Улицы разбросаны в порядке	10
СКОЛЬКО?	12
УХОДИТ	13
Застывший вечер под луной	15
По случаю разлившегося горя	17
Шелест утренней погоды	18
Порывались чрез болото	19
Чуть слышно приближался город	20
Невыдуманный вечер при закатах	22
ПОГОДА	24
На ветках островки мороза	29
Похожий день наметил	30
Стул забился в самый угол	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

СТИХИ

Глава

СТИХИ

Пантелеева Елизавета

ТУМАН

Туман собою застилал,
Уводя все на второй план.
Он зубы скалил, как шакал
И сам с собою весь болтал.
Он укорачивал обзоры,
Стирал возможный горизонт,
И вовсе в нем исчезли горы,
Словно бы превратились в песок.
Он давит сверху, сбоку, всюду,
И в нос холодный воздух бьет.
Недальновидные походы
Он прекращал в возможный срок.
И улицы пуста, как будто
Не может больше человек,
И завязавши злую шутку
Надел на голову пакет.
Он выпил все до дна внутри,
То, что держалось в человеке,
И продержав всех до зари
Заставил думать о рассвете.

Скошенная резвость перед страхом

Скошенная резвость перед страхом
Тысячи пробившихся: «а если»;
Время только больше нагнетало –
Нерешительность пустых ответов.
Какое-то преддверие, неясная покатошь
Желтевших на газетах лиц.
По смутным перелетам со стаканов
Упал на пол, ржавеющий карниз.
Не выдержит очков оправы,
И линзы строго затемнит.
Поверил, не поверил в власть туманов,
Увидел в зеркале огни?
Перевернутая начисто преграда,
И вот она – отдушина в пути,
Другую стороною от начала,
Где ветки по стеклу впредь не скребли.

БЛИЗИТСЯ ВЕСНА

Корки льда на замерзшем заливе,
Следы снега о прошлой зиме,
Долгий сон, застрявший на время,
Вечность жизни еще на земле.
И песок под ногами прохладный,
Далеко до теплой весны.
Но она все ближе и ближе
В расщелинах льда на воде.

Вот вышел бурелом

Вот вышел бурелом
На всех моих страницах;
Разбитый штормом сон,
На виселице злиться.
Размолвленным звеном
Дрожит рука на сердце,
И неизвестен дом,
Где люди по соседству.
Ночами залпом гром
В разрезах ледниковых трещин.
Где можно растянуться
На ширину всей сути вещи,
И так, чтоб поутру
Мне не щемило плечи?
Где можно растянуться
На ширину всей степи,
И чтобы захлебнуться,
Увидев, как день светел?

Улицы разбросаны в порядке

Улицы разбросаны в порядке,
Который ведом только им самим.
Двигутся тихонько тротуары,
Чтоб, кто-то не свернул с пути.
Светофоры, разбросившись местами
Орудуют гурьбой нахлынувших машин.
И тихо бродит здание вокзала,
Смещая всех с асфальта на пути.
А там в окошке, тихо шепчет справа
Тому, что слева на балконе здесь сидит.
Слова перелетали в здание вокзала,
И, кто-то улыбнулся и притих.
Чуть дальше проходить, быть может надо,
И уже тише переулки и гудки.
Задумчивые арки приглашали
Всех, ищущих, куда бы там прийти.
Ворота открывались под ногами,
И тротуар пыхтел, как мог,
Чтоб ноги, не дотронувшись раздумья,
Скорей прошли бы в незнакомый двор.
А на крыльце дверь приоткрытой оставалась,
И слышно было: кто-то там молчит.
Сомненье не успело подобраться,

Дверь мигом распахнулась, встретив миг.

СКОЛЬКО?

Сколько сахару в двух ложках
Правды вечной, без конца?
Сколько драмы на обложках
Расцветающих в ларьках?
Сколько надобно подножек,
Чтоб не съехал шаг впотьмах?
Сколько длиться жизнь в бегах
По пролескам и отсрочкам?
Или это навсегда?
Сколько длиться проволочка,
Когда зимою ждешь письма?
Сколько в конечном подсчете
Пропущенных строчек,
Когда закрываешь навеки глаза?

УХОДИТ

Уходит, что-то, прощается с кем-то,
Всегда так бывает при жизни любой.
Вагоны уносят от нас все на свете,
И водворяют ужасный покой.
В городе, на станции далекого вокзала
И рано утром и даже поздним вечером
Сходились люди с грудой чемоданов,
А провожающим совсем не весело.
Рассвет еще вот только начинался,
А в рупор говорят о том, что отправленую
Незримо, скрывшейся от глаз украдкой, время подошло.
Часы болтают: шесть утра, минута остается.
Люди поспешно по перрону бросаются догнать,
И находя знакомые им лица
Хотят, всего то ведь, обратно их забрать.
«Быть может, это только сон?»
Так громко на лице гласит надежда.
Но нет, сон не настолько ведь жесток,
Чтоб утро омрачить глубоким побережьем,
В котором все уносит злой приток.
А вечером такая же картина:
Уходят поезда под звон колоколов,
И маршируют люди глядя в спину

Всем тем, кто перед ними здесь идет.

Унылая и грустная картина:

Под вечер провожать тоской всех строк.

А утром тоже провожали под такие

Удары крыльев, несущихся все время поездов.

Застывший вечер под луной

Застывший вечер под луной -
Антракт для многих пешеходов;
Как перерыв перед борьбой,
Как время перебрать приборы.
Прохлада мягко подобралась
Взмахом лишь одного крыла,
А звуки тихо удалялись,
Гудящих машин издалека.
И светофоры одиноки,
Друг друга слепят просто так,
И может там, какой прохожий
Взглянет на них – хотя бы так.
Деревья в свете фонаря
Сошли с страницы детской книги,
И как в темнеющем лесу,
Корявой веткой весть кладут о мире.
Написано: «второй подъезд»,
И тихо прикрывались двери,
А дальше - лестница наверх,
И долгий час думать о жизни.
А там с запинкой на предмете
Совсем и вовсе не заметить,
Как одеялом киноплёнок

Сон забирал на свой пригорок.

По случаю разлившегося горя

По случаю разлившегося горя
Над ухом пролетел незвучный слог
Остановился где-то комом в горле
Под знаком остановки у ворот.
Не вышедший вперед и подогнувший ноги
Стал яростно свирепствовать вокруг своих забот.
Разбитый лагерь у дороги –
Кочующий навеки пешеход;
Под ночь, быть может, видно пол дороги,
А может быть – и вовсе ничего.
Без повода ж не ходят ноги,
А потому, возможно, самое и время эта ночь;
Днем был залит погожей стороной у моря,
И сыт по горло собственной тропой,
Но ведь всегда, плесни лишь каплю горя,
Охватится движением весь дом.

Шелест утренней погоды

Шелест утренней погоды
Вскрыл на форточке конверт,
И полился новым восходом
По столешницам рассвет.
У соседей чайник свистнул,
Пробудил на свете всех,
Одеяло приспустилось
Холод побежал к руке.
До будильника секунды
Жить на тихой пелене,
Хочется закрыть подушкой
И поспать еще сто лет.
На стеклянных кружках в кухне
Сахар полетел ко дну,
Закрутилось в этой кухне
Утреннее рандеву.
Перебежки со всех комнат,
Галстук, канувший во тьму;
Опоздали снова в школу
Всем соседством поутру.

Порывались через болото

Порывались через болото
Мысли ночью в темноте,
И на вязком солнцепеке
Они жгли еще сильнее.
До колена увязавший,
Кто-то в горле слышит хрип,
До рассвета очень тяжело,
Дней так, тысячу идти.
И обманешься загадкой
Там, где только пустыри;
Разрисовано в обратном
Беспорядке пустоты.
Сколько можно жить под лампой,
Ночь сдвигая до зари?
А болото расширялось,
Целый миг схватив внутри.
До рассвета нужно, что-то
Предпринять, иначе вниз;
Вниз по лесенке болота,
Где наверх нельзя ступить,
Где билет в одну сторонку
И назад он только всплыл.

Чуть слышно приближался город

Чуть слышно приближался город,
Сменяя горизонт лесов,
Мелькали люди с остановок,
И день привычной чередой.
В черте есть пара станций новых,
Кто-то спешил, сверяя час;
А там в дали от гущи пробок,
Лишь дом, сарай и тишина.
По электричкам много сумок,
Глядит в окно там пассажир,
И думает о том, что было,
О том, что все-таки прожил.
Лепились на окно притоки,
Притоки всяческих светил,
Смотрели под ноги. И током
Живились провода у зим.
Кондуктор бродит по вагону,
И помнит всех, кого спросил,
Одна скамейка, один город,
Одной судьбой огромных миль.
Вокзал всегда встречает скорым,
Там путь соседний проходил,
Табло сверкало там у входа,

И чемоданы, судьбы, сны.
Безостановочно сегодня,
И так же было и вчера,
Десятки лет уходит поезд,
Десятки лет идет назад.
На всех перронах побывавши,
Увидишь – рельсы всех одни:
Кому-то, видится уставшим,
Кому-то – лучший день в ночи.
Гласит над головами громко.
Все, чемоданы прихватив,
Летели, кто с большим восторгом,
Кто просто шел, не зная пути.
Одни и те же ходят ноги,
Менялся корпус поездов,
Но там внутри у этих полок
Делили все под сотню снов.
Гремели чашки на проходе,
Заскочит новый пассажир;
Плестись, быть может очень долго,
Но можно уймой общих сил.
В пути, когда уже стемнело,
Кто-то звонил, ловил гудки,
И слышал часто за спиною,
Как кто-то жизнь свою прожил.

Невыдуманый вечер при закатах

Невыдуманый вечер при закатах
На оклике на весь альбомный лист,
Расписан всеми красками азарта
Под новый выстрел жизни напрямик.
Залитый с ног до головы в кувшине,
Разорван всяческий предел;
Дрожит рука на середине
И смыслит вровень своих дел.
Намеченный, почти как призрак
На участь славных перемен,
Растаял под бутылкой листик,
И новый с-под стола взлетел.
Огонь на небе – все красиво,
Запал все также в беспредел,
И может, бешеной харизмой
Или под тонкость легких тел.
И привокзальный домик снится,
И тишь, где все же уцелел;
На ветке листик распустился,
А поезд в сердце прям гудел.
Под рельсами минутных строчек
На заколдованном легке
Болтался до глубокой ночи,

Словно на ужин не поспел.
И снится над закатом точка,
И поезд все еще гудел,
Блеснула спичка в одиночку,
И к ней весь город подоспел.
И в переливе двух подстрочий,
Под здешний вечер, наконец
Сливались взгляды, как наводчик
Наводит в точности прицел.
Неугомонный калибровщик
Сравнил подножие для всех,
И под закатом гулким хором
Пересекли один предел.
На сомкнутых в руках ладонях
Печатался по новой след,
И не злословным разговором,
А верным компасом в руке.
Стекали с гор земные волны,
Но не сомкнут они успех;
Под ветер сути всей природы
Можно смотреть, не видя бед.

ПОГОДА

1

Раздался утром свист могучий,
Сплетаясь с серой тучей вскачь,
Дождь лупит через сердце в душу,
И там чернеет пустота.
Вокруг даже не видно лужи -
В них ветром строится волна,
И будто бы цунами страшный
Поутру, город взял в рукав.
Зонты людей уж не спасают,
Их разметает по частям.
В углу, застрявший, чей-то фантик,
Как в судороге бьется по углам.
В окно трамвая не увидишь,
Какая станция твоя,
И ведь ничем окно не вытрешь,
Погода все-таки сильна.
Ее воздействие на душу,
Быть может равно, как слова;
Она бунтует всем вулканом,
И унять ее нельзя.
Многоэтажка, выглянули люди,
И их пробрала дрожь сперва,

Так сразу отменили все прогулки
И разыскали одеял.
На площадях ужасны звуки,
Выход на линию огня,
Сильнейший уровень разлуки,
Где оборвалась колея.
Проспекты прячут переулки,
Дома хотят поближе стать.
Когда закончит день минуту
На этих выжженных часах?

2

Дням велено сменяться все же,
Как следствию с причиной вечной,
А потому в рассвете стоя,
Все медленно наполнилось речью.
Не видно там вчерашней бури,
Не бьются камни о стекло,
Видны следы прошедших суток,
Все так растерзано вокруг.
Деревья лишены вчерашних листьев,
И мерзнут с веткой кочергой;
Как страшен мир в таком затишье,
Словно бы не осталось ничего.
На тротуарах крайне пусто,
Словно сметен, какой-то слой.
В трамваях днем сегодня густо -

Люди ползли с своих домов.
А лица всех уж больно жутки;
Увидели, что значит гром.
Масштабы сломанных зонтов
Заполонили свалки всюду.
Большая длительность невзгод,
А после – лесенка по новой,
И длился долгий разговор,
И переменчивая форма.
Площадь молчаньем окрылилась,
Зарывшись лишь в одном углу,
А все ее просторны крылья
Просто лежали на полу.
Скамейки рядом с фонарями
Больше не слушают бесед,
Всех надобностей простыл след;
Люди не ищут разговоров
В приятный вечер на скамье,
Люди украдкой бросят взоры
И побегут бегом к себе.
В реке плывут остатки ветвей,
Обломки всяких кирпичей.
И вещи, сдутые с балкона
Тоже быстрее плывут в реке.
Затишье, прям как тень позора
Опустошило день сегодня.

Так странно, когда ветер стих,
Картель дождя не палит всюду,
И не падает карниз,
Замученный держать невзгоду.
Утром проснувшись, видишь миг,
В котором стихло все сегодня,
И ведь не веришь в этот миг,
Когда всю ночь дрожали стекла.
Но отошедши ото сна,
Сравнявшись с новым днем восхода,
Все думаешь: Как так
Способна бушевать природа?
А в день, когда сгущает небо
Любой, малейший там просвет,
Ты чувствуешь обледенелость,
И кажется бы вот конец.
Туча, чернея угрожает,
И видна власть ее над всем,
И всю трагедию сыгравши,
Несет свой занавес рассвет.
Не верится такому счастью,
Что все имеет свой конец;
Все здесь вольно чередоваться,
Как жизнь со смертью, наконец.
И нет преграды этим танцам,

Ведь все-таки мы на земле.
Затмением можем покрываться
И ощущать потом «Привет»
От ветра, моря и заката,
Где разыгралась участь лет.
Мы все-таки бежим куда-то,
Схватить свою мечту от всех,
Но нам погода показала,
Куда смотрели, куда – нет.

На ветках островки мороза

На ветках островки мороза
Звенели ноткой хрусталя,
Возьми его – и разобьется,
Так тонко жизнью обвивал.
Себе берет лишь лучик солнца
И выживает в холода.
И, где-то может, сердце бьется
На каждый миллиметр льда.
Такой застывший и проросший,
Словно застывшая рука,
Но пальцы шевелить не может
Пока сковали холода.
Скорейший замысел весенний
Всегда огнем горит внутри,
И корки льда весной - забвенье,
Шелест раздался изнутри.

Похожий день наметил

Похожий день наметил
Опять свои черты;
Светильник мерк под тенью,
Идущей череды.
И все однообразно,
Как звон ключей в двери,
И словно бы напрасно
Налил с утра воды.
Столкнувшись, некуда деваться,
Глядишь в окно вдали,
А стекла странно смотрят,
Как одинокий мир,
Верхушками деревьев
Под ветер диких зим.
А где-то акварелью
Написаны цветы,
И кажется, что к ним
Всю жизнь не подойти.
И впереди рисуются
Далекие, пустынные мосты,
Где ноги пешеходов
Под осень полегли,
Где так и неизвестно

К чему так долго шли.
Бывают на тропинках
Живейшие следы,
Бывают и другие,
Которые смели;
Бывают и такие,
Что сделав шаг, ушли,
И все, как повторенье,
Как много-много сил.

Стул забился в самый угол

Стул забился в самый угол,
Одичав под треск ночей.
На безлюдье сложно вспомнить,
Где, какой вчерашний день.
На ковре разлитый кофе
Вьелся намертво, как цепь,
Приржавевшая к порогу,
Так, что и не сдвинешь впредь.
Скукой теплится сегодня,
В вечер намертво падет
От того, что непонятен холод
Вдруг упавший на окно.
На столе царит безделье,
Как в кошмарном сне виденья
Вылетают на словах,
Застывают в образ взяв.
Сон теперь не тихий отдых
С одеялами в руках,
Сон теперь большущий вопль
На гримасах без лица.
Закатало под дождем
В день апрельский под зонтом,
Одеяло загорелось

Пеплом только память грелась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.